Текст · 25 августа 2022, 06:39
Екатерина Орлова,

«Я готов принять капитуляцию России». Первые дни войны и битва за Киев — в реконструкции Washington Post

Газета *Washington Post* уже подробно рассказывала, как западные страны готовились к вторжению России в Украину, а ФСБ подготовку провалила. Третий лонгрид из цикла, посвященного началу войны, — это реконструкция событий первых дней и неудавшейся попытки российской армии взять Киев. «Медиазона» публикует краткое содержание статьи.

Журналисты *Washington Post* несколько месяцев реконструировали события первых недель войны и взяли интервью у ста с лишним человек, в том числе у президента Украины, сотрудников его офиса, представителей высшего украинского командования и Пентагона. Газета также пыталась отразить точку зрения российских властей, однако «Кремль не ответил на просьбы дать комментарий».

В Украине не ожидали полномасштабного вторжения России, но готовились к нему

Washington Post описывает, как в пятом часу утра 24 февраля министр внутренних дел Украины Денис Монастырский позвонил Владимиру Зеленскому и сказал: «Началось». «Что именно?» — спросил президент. Монастырский отвечал, что атаки идут с

нескольких сторон и это похоже на полномасштабное вторжение, прорыв к Киеву.

«В первые минуты они нанесли страшные удары по нашей противовоздушной обороне, страшные удары по нашим войскам в целом, — вспоминает Монастырский в интервью газете. — Там были 20-метровые кратеры, никто таких в жизни не видел».

Многие украинские политики и военные до последнего не верили в возможность полномасштабного вторжения. «Я даже не мог представить, что руководство России способно развязать такую наглую агрессию, — рассказал *Washington Post* генерал Александр Сырский, руководивший обороной Киева. — Мне казалось, что если начнутся активные боевые действия, то они будут на востоке, в Донецкой и Луганской областях… Но мы военные… Так что я сделал необходимые приготовления».

Сырский организовал два кольца обороны Киева, одно в черте города, а другое на окраинах. Он хотел, чтобы внешнее кольцо было как можно дальше от внутреннего, это позволило бы защитить центр от обстрелов и удержать агрессора на подступах к столице. Однако артиллерии и танковой мощи для обороны Киева не хватало: была доступна только одна механизированная бригада — 72-я. Сырский приказал создать на основе нескольких учебных центров специальные импровизированные батальоны и подогнать к столице артиллерийские системы, которые обычно используются для обучения, в том числе мощные советские самоходные пушки 2С7 «Пион».

External embed

https://soundcloud.com/mediazona

О том, как к обороне столицы готовилась киевская полиция, слушайте в подкасте «Хуй войне»

В первые дни войны Россия неоднократно пыталась заставить Украину капитулировать

Глава офиса президента Андрей Ермак рассказал *Washington Post*, что через несколько часов после начала вторжения ему позвонили из Кремля. Он долго не решался взять трубку, но потом ответил — и услышал хриплый голос замглавы администрации президента России Дмитрия Козака. Тот сказал, что Украине пора сдаваться. Ермак лишь выругался и повесил трубку.

При этом еще 22 февраля украинский министр обороны Алексей Резников разговаривал по телефону с Виктором Хрениным, своим коллегой из Беларуси. Тот дал слово офицера, что российские войска не вторгнутся в Украину с белорусской территории. «Он лгал», — констатирует Резников.

Два дня спустя, когда война началась, Хренин вновь позвонил Резникову, в его голосе звучали нотки нервозности и неловкости. Он сказал, что передает послание российского министра обороны Сергея Шойгу: если Украина подпишет акт о капитуляции, вторжение прекратится. Резников рассказал *Washington Post*, что ответил: «Я готов принять капитуляцию России».

Владимир Зеленский был готов покинуть свой пост, но отказался эвакуироваться из Киева

В первые часы войны, когда западные официальные лица убеждали Зеленского эвакуироваться, он ответил, что покинет Киев или даже уйдет в отставку, если в этом будет смысл: «Если мой уход остановит кровопролитие, то я готов. Я не для этого пошел в политику — и я уйду, когда скажете, если это остановит войну». Но он считал, что его уход только поможет агрессору достичь своей цели — захватить власть и посадить в Киеве марионеточное правительство — и ухудшит положение украинцев.

Зеленский считал, что не все собеседники из числа западных политиков действительно обеспокоены его личной безопасностью — многие просто хотели как

можно скорее завершить конфликт. «Из всех тех, кто звонил мне, не было никого, кто верил бы, что мы выживем… Прикончат через два-три дня, может быть, через пять, и тогда все это закончится, — вспоминает он. — Не потому, что они не верили в Украину, а из-за этой демонизации лидера Российской Федерации».

Владимир Зеленский выступает с обращением в Киеве, 25 февраля 2022 года. Фото: AP

Глава Совета национальной безопасности и обороны Алексей Данилов доложил президенту ситуацию. «Все наши партнеры говорят, что нам будет очень трудно, что у нас почти нулевые шансы на успех, — сказал ему Данилов. — Мы не получим большой поддержки в первые дни, потому что поначалу они будут только оценивать, как мы способны защитить страну… Возможно, они не хотят, чтобы большое количество оружия попало в руки русских».

Данилов также предупредил Зеленского: имелась достоверная информация, что россияне привели в действие план его убийства или захвата. Ему следует подумать об эвакуации. Советник офиса президента Алексей Арестович вспоминает: не исключалось, что в киевский бункер могли пустить отравляющий газ.

Сам он в какой-то момент сказал Зеленскому, что все смыслящие в военном деле люди уверены: мы не сможем выстоять. После этого президент буквально взорвался: «Это последний раз. Больше я такого слышать не хочу». А Данилову ответил, чтобы тот

перестал постоянно пугать его угрозами жизни. «Послушайте, я живой человек. И я не хочу умирать, — вспоминает Арестович слова Зеленского. — Но я точно знаю, что если буду думать об этом, то я уже мертв».

Запад поначалу не очень понимал, как лучше помочь Украине

В интервью *Washington Post* Андрей Ермак признался, что отправлял фотографии убитых мирных жителей и разрушенных зданий на личные мобильные телефоны высокопоставленных чиновников по всему миру, включая советника Белого дома по национальной безопасности Джейка Салливана и помощницу госсекретаря по делам Европы и Евразии Карен Донфрид. По словам Ермака, это сработало: почти все, кто получил от него эти снимки, стали помогать Украине еще больше.

А сам Зеленский, обращаясь за помощью к лидерам и народам стран по всему миру, пытался не только воодушевить, но и устыдить их. Так, он призвал канцлера Германии Олафа Шольца «снести эту стену», намекая на знаменитую речь Рональда Рейгана о Берлинской стене. И сказал немецким политикам, что они должны сделать все, что в их силах, для помощи Украине, чтобы им «не было стыдно за себя после этой войны».

При этом украинцы не разглашали информацию о своих приготовлениях к российскому вторжению. Высокопоставленный представитель Пентагона рассказал журналистам, что США знали о планах

России больше, чем о планах Украины. Как рассказали собеседники *Washington Post*, в середине марта был критический момент: в течение нескольких дней у украинских сил, обороняющих Киев, почти закончились артиллерийские снаряды. Поскольку Вашингтон предполагал, что Россия быстро захватит Украину, он подготовил линейку портативного оружия, такого как «Стингеры» и «Джавелины», которые могли быть использованы в партизанской войне, но не позаботился об обеспечении Украины артиллерийскими боеприпасами. Представитель Пентагона рассказывает, что впоследствии это вызвало довольно сильный переполох, поскольку украинская оборона значительно превзошла ожидания США.

Бои в воде, в воздухе и на земле

Washington Post подробно описывает высадку российского десанта в аэропорту Гостомеля, а также бои за село Мощун, которое обороняли силы ВСУ и теробороны. «Наверное, это был самый критический момент. Я подумал: "Ну что, неужели тут все и кончится?" — вспоминает Сырский в интервью газете. — Потому что Мощун — это прямая дорога на Киев». Натиск российских войск здесь удалось остановить, подорвав плотину на реке Ирпень. «Вода просто смыла русских, — продолжает Сырский. — Мы потом нашли место, где их морпехи побросали броню, чтобы не утонуть и выбраться из реки».

Другой эпизод, который разбирает *Washington Post*-, связан с действиями авиации и ПВО. Когда началось вторжение, заместитель командующего

Воздушных сил ВСУ Анатолий Кривоножко лежал в госпитале, восстанавливаясь после коронавируса. Но как только пришли известия, что его база в районе города Васильков находится под российскими обстрелами, он отправился туда. «Наверное, в таких ситуациях коронавирус просто исчезает», — говорит Кривоножко. Еще в изоляции он разработал план передислокации самолетов и систем ПВО. В результате в первые часы россияне обстреливали пустые поля, и технику удалось сохранить. Пилоты разделились на две группы. Молодые и менее опытные, вооружившись гранатометами, приготовились защищать базу на земле. На вылеты отправились более опытные пилоты — по три-четыре раза в день, зачастую даже пренебрегая предполетными проверками.

При этом газета приводит рассказы сотрудников СБУ, как коллаборанты передавали российской стороне данные о расположении украинских войск. На места дислокации систем ПВО они наносили светящуюся краску, чтобы позиции было проще обнаружить ночью. А в СМС-сообщениях передавали координаты объектов: военные помечались зелеными цветочками-эмодзи, гражданские — красными.

Наконец, *Washington Post* рассказывает о действиях 1-й танковой бригады ВСУ, которая противостояла российским силам на северо-востоке от Киева, со стороны Чернигова. Украинцы вынуждали колонны вражеской техники рассеиваться по небольшим труднопроходимым проселочным дорогам и вязнуть в оттаивающих после зимы полях и болотах, где на них устраивали засады регулярная армия и тероборона. А машины, которые оставались

на шоссе, становились легкой мишенью для быстро перемещающейся украинской техники или подрывались на минах. Эта стратегия, по выражению газеты, «вызвала восторг в Пентагоне». «По этому направлению двигалось что-то около 30 тактических групп. И их смогла затормозить всего одна украинская бригада. Не знаю, как зовут их командира, но он просто взял и остановил их, — цитирует *Washington Post* председателя американского Объединенного комитета начальников штабов генерала Марка Милли. — [Русские] просто не могли никуда деться с дороги. У младшего офицерского состава не было инициативы. А этот парень — он просто как циркулярка, он их уничтожил».

Тем не менее ожесточенные бои на подступах к Киеву и вокруг Чернигова, который российские войска так и не смогли взять, продолжались большую часть марта. Командующий украинской оперативной группировкой «Север» генерал-майор Виктор Николюк рассказал *Washington Post*, что армия России действовала совершенно по-советски: не давала никакой инициативы младшему офицерскому составу и пыталась задавить противника за счет численного перевеса. «Мы убивали двух-трех человек, а на их месте появлялись новые, — говорит Николюк. — Как в 1941 году, когда жизни солдат ничего не значили для командиров».

Washington Post описывает последнюю попытку России прорвать оборону украинской столицы: перебросить большую колонну танков на 350 километров, чтобы она атаковала Киев с запада. Но она попала в засаду и была накрыта артиллерийским огнем — по подсчетам одного из офицеров 72-й механизированной бригады

ВСУ, которая располагалась на этом направлении, 48 российских машин отступили, а 19 были уничтожены.

После этого наступление на Киев окончательно захлебнулось. Из перехватов российских переговоров стало понятно, что энтузиазм атакующих сменился разочарованием, а временами даже паникой. К концу месяца армия России отступила. «В один прекрасный день они вдруг взяли и ушли, — вспоминает в интервью *Washington Post* капитан 72-й бригады Роман Коваленко. — И главное тут, конечно, что люди встали на защиту друг друга и сказали: "Нет, мы не сдадимся"».

Редактор: Дмитрий Ткачев